

С. В. Гроздилов

Ярославская государственная сельскохозяйственная академия

ДИСКУРС О СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

Понятие справедливости – одна из центральных социально-философских категорий, так как позволяет собрать в единый сплав фундаментальные устои и нормативные требования социально-го бытия. Исследуя феномен справедливости, автор обращается к мыслителям России с середины XIX столетия до наших дней. Понятие справедливости рассматривается ими в контексте полемики по наиболее острым вопросам, волновавшим российское общество в этот период. Особый интерес представляет анализ связи справедливости как явления в системе общественных отношений и развития социума в целом. Делается вывод, что понимание справедливости в российском общественном сознании не является безусловным и абсолютным; оно всегда сфокусировано на конкретных событиях или явлениях жизни людей и зависит от содержания как индивидуальных, так и групповых, классовых интересов, а также степени присвоения субъектами отношений материальных или духовных ценностей.

Справедливость, дискурс, мораль, право, правда, общественное сознание, присвоение, реформа, социальные отношения

В жизни людей существуют понятия, которые не только являются их вечными, постоянными спутниками, но и присущи их мироощущению и пониманию смысла всего сущего. Справедливость – именно такое понятие. В контексте российской действительности вплоть до XIX в. оно представало прежде всего в массовом сознании как отражение бытия русского народа больше через мифологическое и религиозное мировоззрение, нежели через философское [1, с. 88–92]. В то же время, как отмечают исследователи, «в любой исторический период, “справедливости” постоянно сопутствуют какие-либо категории социального процесса, которые не только расширяют ее смысловую основу, но меняют ее семантическое звучание» [2, с. 43]. Поэтому по мере познания человеком самого себя, общества себе подобных, сложившихся общественных отношений потребность в рациональном осмыслении феномена справедливости и ее практического воплощения в ходе цивилизационного развития человечества неизбежно возрастала и возрастает. Россия в этом процессе не стала исключением. Отсюда и связь прошлого и настоящего в понимании справедливости социальных отношений не вызывает сомнения.

Менее чем два века назад, т. е. во второй половине XIX столетия, Россия переживала подъем социально-философской мысли. Феномен справедливости стал предметом рассмотрения в отечественной традиции у А. С. Хомякова, В. С. Соловьева, Б. Н. Чичерина, а впоследствии у Б. А. Кистяковского, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, П. И. Новгородцева, А. Ф. Лосева и других российских мыслителей. Их работы стали отправным началом, определившим основу дальнейшего изучения понятия справедливости современными исследователями. В это время в русской философии появляются и первые концепции справедливости, суть которых сводилась к тому, что одной из устойчивых самохарактеристик общественного российского сознания являлось почти мифологическое представление об «особой чувствительности русского народа» к проблеме справедливости [1, с. 88–92]. Утверждалось, что понятие справед-

ливости у русских «в крови» и даже обосновывалась идея, что справедливость – это «часть национального самосознания». В. С. Соловьев называл жажду безусловной справедливости стержневой линией духовных исканий, стремлений русского человека.

Н. К. Михайловский, С. Н. Трубецкой, Н. О. Лосский и др. связывают понятие справедливости с понятием правды, но раскрывают это слово через несколько иное содержание, чем ранее. Со времен Древней Руси в массовом сознании под «правдой» понималась некая константа, определяющая легитимность решений и действий [3, с. 178–182]. Аналогичным образом в Древнерусском государстве использовалось и само слово «правда», например, так назывались своды законов («Русская Правда», «Правда Ярославичей»). Сам же термин «правда», хотя и имел непосредственную связь с судопроизводством, но был близко связан по своей семантике с нормами обычного права [4, с. 21]. Теперь, по мнению С. Л. Франка, правда является тем характерным русским словом, которое «одновременно означает и “истину”, и “моральное и естественное право” и играет чрезвычайно большую роль во всем строе русской мысли – от народного мышления до творческого гения» [5, с. 490]. Следуя этим установкам, в отечественной социально-философской мысли давались конкретные определения правды-справедливости применительно к внутренней и внешней политике страны. Эти определения включали, как правило, идею «свободного народного сообщества». В. С. Соловьев настойчиво утверждал «правду-справедливость» в своем идеале России как некоего «многонародного целого», которое должно быть «христианской семьей народов», исключаяющей национализм и шовинизм. Вместе с тем, указывал он, Россия «должна стремиться к утверждению “вселенского братства”, где все народы и нации являются равными, одни не возвышаются над другими, и где Россия не только не действует против других наций, но всегда остается “с ними и для них”» [6, с. 68]. Заметим, что эта идея очень актуальна и характерна для современного конфронтационного мира, в котором находится Российская Федерация.

Характеристику «правды-справедливости» в наиболее четком варианте впервые можно встретить у философа-публициста Н. К. Михайловского, который выделяет две ее основные установки: безбоязненно смотреть в глаза действительности и ее отражению – правде-истине, правде объективной, и охранять и правду-справедливость, правду субъективную. «Правда-истина» – объективна, безлика и всецело подчинена необходимости. «Правда-справедливость» напротив субъективна. Она выражает идеал человека, способного не только подчиняться существующим обстоятельствам, но и преобразовывать общество с позиций своего нравственного идеала. Михайловский полагал, что «только по-русски “правда-истина” и “правда-справедливость” называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое» [7, с. 5]. П. А. Рачков даже выделяет, что «правда-справедливость наряду с правдой-истиной выражали общее стремление многих русских философов к целостному познанию действительности, к целостной правде, к полному воспроизведению всего духовного и морального опыта людей» [8, с. 15].

Эти разъяснения показывают, что «истина», «правда» и «справедливость» отражались в общественном сознании как связанные между собой понятия, как неразрывный процесс. Связь же между истиной и правдой наблюдается в том, что поиск «истины» в философском смысле идет параллельно с таким же поиском и «правды». Вплоть до середины XIX в. главным значением понятия справедливости оставалось «истинность» и «правдивость мнения или суждения» и соотносилось с верным утверждением, точностью [4, с. 31]. Но преимущественно, справедливость выступала именно в значении «истина», т. е. как определенная характеристика соответствия реальности, действительности, фактам.

С бурным изменением социальных отношений, отменой крепостного права, кризисом власти и неизбежными масштабными реформами первостепенными и самостоятельными в понятии справедливости становятся характеристики общественного устройства, соответствие поступков и деяний моральным и правовым нормам. Значения «истина» и «точность» в бытовом словоупотреблении берет на себя понятие «правда», теряя свое сопутствующее значение со «справедливостью» [4, с. 32]. Причины таких кардинальных перемен следует искать в истории представлений о справедливости в век зарождающихся и развивающихся буржуазных отношений. Этот период характерен появлением новых школ, течений и направлений и прежде всего в философии, праве и политике. Сталкиваясь между собой, они предлагали свои пути достижения совершенного общества. Новые идеи требовали соответствующего оформления.

В понимание справедливости русскими философами (В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев) вкладывались религиозность, соборность и патриархальность, что было, конечно, развивающейся идеей общинности русского человека и обуславливалось социально-общественным устройством России тех времен. Не только религиозные философы, но и революционеры-демократы, на основе той же крестьянской общины связывали справедливость с социализмом. Встречались и другие подходы. В частности, у Н. Г. Чернышевского, справедливость объясняется уже не только социальными явлениями и нравственно-правовыми категориями, а основывается и на серьезном изучении экономических законов жизни общества [9]. Распределение по справедливости – это область, в которой общество сможет свободно осуществить требования разумного. Здесь уже наблюдается совершенно новое понимание справедливости: Россия оказывается в сфере внимания марксизма с его основными идеями о построении коммунистического социума.

Примечательно, что происходит это намного раньше, чем идеи самого Маркса начали проникать в сознание отдельных представителей российского общества. Первоначальное распространение марксистских взглядов в России связано с деятельностью революционного народничества и его лидера П. Л. Лаврова, который выделяет уже классовые черты справедливости. Прогресс России он связывал с победой социализма как «справедливейшего строя общества». Идеолог народничества предрекал грядущее царство справедливости трудящихся людей, а социалистическую справедливость понимал как характеристику революционного движения к этому царству. Марксистская методология более глубоко вскрывает природу и содержание отношений собственности, поэтому значительное внимание П. Л. Лавров уделял проблеме соотношения собственности и справедливости, указывая, что частная собственность ограничивает возможность личности признать право другой личности на справедливое отношение, равноценное своему праву [10, с. 111].

Следует отметить, что в еще только формирующемся дискурсе о справедливости в отличие от европейских мыслителей с их видением, определяющим сочетание справедливости с разумностью божественной воли, с договором или политической добродетелью, собственно, таких концепций не наблюдается. Одной из ключевых в российской дискуссии становится проблема нравственного измерения права (естественного и позитивного) или реализации его принципов.

Такая заочная полемика происходила между правоведом Б. Н. Чичериным и религиозным мыслителем В. С. Соловьевым, пытавшимся обосновать синтетическую теорию права, которая была бы органической частью философской системы. Главная идея теории права Соловьева была направлена на обусловленность ее нравственностью и стала парадигмой всего течения «возрожденного естественного права» в России [11, с. 93–94]. Чичерин как представитель юридической мысли критиковал концепцию Соловьева за стремление переделать право в инструмент реализации нравственного идеала, а как философ он был убеж-

ден, что невозможно людям достичь нравственности путем внешнего принуждения. Нарушение нравственного закона может и должно быть осуждаемо обществом, церковью, но не юридическим законом, так как «нравственность по принуждению – это искажение нравственности как таковой, ибо принудительная нравственность – есть безнравственность» [12, с. 102]. Б. Н. Чичерин в своем чрезмерном превознесении права предписывает ему полную самостоятельность по отношению к морали. Но одновременно он высказывал точку зрения, согласно которой справедливость как общее разумное начало есть мерило, с помощью которого разграничивается область свободы отдельных лиц и устанавливаются требования законов. Справедливость, по его мнению, выражается в первую очередь в равенстве.

Учение о справедливости И. А. Ильина, в отличие от вышепоказанных концепций, носит более конкретный, индивидуальный характер и находит свое выражение, напротив, в понятии «неравенство». Русский философ подчеркивал своеобразие каждого человека и призывал к неодинаковому обращению с разными людьми. Он показывал справедливость как предметно-обоснованное неравенство, являющееся выражением подлинной человеческой природы. По мнению Ильина, справедливость представляет собою «художественное начало», соотнесенное с чувством сострадания, прощения, ответственности. И поскольку ее невозможно ни найти, ни водворить на основании формальных правил, она и есть основополагающее начало юридической нормы [13, с. 20]. Таким образом, справедливость по Ильину является не только высшей ценностью, но и главным моральным принципом права: связь права и справедливости как духовного идеала для него очевидна.

Таким образом, в конце XIX начала XX столетия под влиянием складывающихся капиталистических отношений, кризиса политической системы России, социально-философского и правового дискурсов, а также в связи с распространением в стране идей марксизма, происходит «превращение» понимания справедливости в общественном сознании в новое понятие, непосредственно связанное с социумом и отношениями в нем. Теперь справедливость трактуется и как «социальная справедливость» с естественным правом на лучшую жизнь.

В свою очередь несправедливость устоявшихся и поддерживаемых существующим правом общественных отношений подготовила широкое революционное движение, апофеозом которого стала Октябрьская революция 1917 г. И в это же время, когда «с высших теоретических уровней юриспруденции *мышление* было вытеснено *идеологией*» [14, с. 6], полагают современные исследователи, произошла и подмена объективного права социальными интуициями справедливости, но которая была в сложившихся условиях неизбежной.

Как известно, в основе коммунистической идеологии, кроме прочих, лежат и моральные заповеди, взятые из Библии. Это не только равное отношение человека к человеку, но и представление о справедливости как должном воздаянии, свойственном людям вообще. «Нечто подобное некогда претерпели христиане. Пока второе пришествие ожидалось чуть ли не с минуты на минуту, они жили не столько рассудком, сколько евангелическим сердечным настроением» [14, с. 6]. Противопоставляя новые социальные отношения в России, которые власть пыталась подвести под идеи коммунизма – своеобразного рая, сообщества свободных людей, без гендерного, национального, экономического или социального неравенства, с общественными отношениями раннего христианства, Г. Ч. Синченко, называя его «мгновенной вечностью» разъясняет, что если «на юридизацию менталитета история отвела христианам несколько столетий, коммунистическому же духу пришлось перестраиваться буквально на ходу» [14, с. 6]. Но сделать это было необходимо, ибо форма правового нигилизма, надо отметить, изначально была «вшита» в генокод марксистского учения. Кроме того, коммунистическая идеология рациональна в отличие от иррациональной христианской. Необходимо было

не выжидать, а перестраиваться, чтобы ослабить крайние проявления сложившегося правоотрицания. И не во время революции или начального этапа гражданской войны, когда нередки были выступления рабочих на Ижорском заводе, в Сормово, Воткинске, Ижевске и др. городах, а когда уже «обанкротился» военный коммунизм, оглушающим сигналом чего послужил кронштадтский мятеж – мятеж моряков, тех же рабочих в бескозырках и с винтовками – против рабоче-крестьянской диктатуры. К этому времени действительное расхождение государственной и правовой политики с теоретическими выкладками марксизма стало бесспорным и вопиющим, что вело к противоположным результатам. Более того, «партия и государство все шире присваивали правотворческие и правоприменительные полномочия» [14, с. 7], а классы со своими односторонними притязаниями образовывали правопорядок общественной жизни на почве своего понимания справедливости.

Происходило такое, поскольку справедливость, по мнению В. И. Ленина, в тот исторический момент была подчинена интересам свержения капитализма. Ведь именно в нем и в существовании частной собственности на средства производства, порождающей эксплуатацию большинства населения меньшинством, он видел причину несправедливости общественного устройства, а если социальный порядок несправедлив, он не имеет права на существование и должен быть изменен. И хотя в своих трудах вождь пролетариата и наполнил понятие справедливости революционным содержанием с правом трудящихся на лучшую жизнь, но построение справедливого общества планировал не сразу, а на отдаленную перспективу. Устранив главную несправедливость общественного устройства, социалистическое общество оказалось «не в состоянии сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления “по работе (а не по потребностям)”» [15, с. 93]. Более того, опыт первых социалистических лет, когда практически все члены общества, как и прежде, были наемными работниками у государства, «когда государство творило объективное право, а объективное право, будучи обеспечено государственным принуждением, творило субъективное право и правоотношения» [14, с. 8], показал Ленину необходимость коренным образом изменить точку зрения на справедливое государственное устройство. Поэтому он и ставил под сомнение реальную возможность в тех неустойчивых условиях подлинной социальной справедливости, которая может появиться только тогда, когда социальное бытие встанет на прочный фундамент коммунистических отношений.

Ни о каком дискурсе справедливости в общественном сознании в период становления и развития первого в мире социалистического государства не могло быть и речи: практически всех «дискурсантов» советская власть отправила на «философском пароходе» в эмиграцию, а те, кто остались в России, так или иначе подверглись гонению или были арестованы. Создав легитимацию сложившегося социального порядка, присвоив функции нужной ей законности и правопорядка в целях обеспечения всестороннего контроля за обществом и успешного выполнения своих фискальных задач, власть «умертвила» философскую мысль, но правовой порядок был зафиксирован и закреплен. Государственный деятель СССР А. Я. Вышинский с высоких трибун уверенно информирует о «роли советского закона как громадной культурной силы, как громадного рычага государства пролетарской диктатуры» [16, с. 8]. Но именно диктата, а не справедливости закона, поскольку сам же, выступая с обвинительными речами на судебных процессах 1930-х, присваивая себе функции безусловного и абсолютного толкователя права, заявляет, что «бывают такие периоды, такие моменты в жизни нашей, в частности, когда законы оказываются устаревшими и их надо отложить в сторону» [17], и, видимо, поэтому «советский суд должен исхо-

дять и всегда исходит исключительно из соображений государственной и хозяйственной целесообразности» [18]. Из сказанного следует, что такая конструкция первого в мире социалистического общественного-политического устройства не предусматривала в ней места ни для правового закона, санкционированного государством и соответствующего принципам общественного правосознания и конституционно-правовым нормам, ни для понятия справедливости, которое как это не парадоксально, вообще не было закреплено в отечественном общественознании.

Но даже в советском социально-гуманитарном знании окрепшего социализма понятие «справедливость» появляется не сразу. Обращает внимание на себя интересный факт, что в первом издании «Большой советской энциклопедии» 1947 г. слово, через которое раскрывалась бы категория «справедливость», вообще отсутствует. Оно представлено было лишь во втором издании 1957 г. В статье, где понятие «справедливость» определялось как морально-правовая категория при приоритете исторического характера его содержания в зависимости от экономических отношений [19, с. 339]. В издании 1976 г. под справедливостью признается уже категория не только морально-правового, но и социально-политического сознания. Именно тогда понятие справедливости стало содержать в себе «требование соответствия между практической ролью различных индивидов (социальных групп) в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами людей и их общественным признанием» [20, с. 1026].

В советский период истории России справедливость исследовалась, в первую очередь, с государственно-правовых позиций (Д. А. Керимов, Н. А. Экимов, Л. С. Явич, В. С. Нерсесянц). В целом же, последовательное и неукоснительное, с точки зрения обеспечения социального и политического равенства, осуществление социалистического принципа распределения благ «каждому – по труду» являлось основным в понимании справедливости советской общественно-политической и философско-нравственной мыслью, что нашло отражение в работах Г. В. Мальцева, М. Н. Руткевича, Л. Г. Гринберга, А. А. Гусейнова, З. А. Бербешкиной и др. Обществоведы советской эпохи определяли справедливость и как «понятие морального сознания, характеризующее меру воздействия и требований прав и благ личности или социальной общности, меру требовательности к личности, обществу, правомерность оценки экономических, политических, правовых явлений действительности и поступков людей (а также их самооценки) с позиции определенного класса или общества» [21, с. 113]. И в то же время справедливость рассматривалась как форма воздаяния, выраженная в виде материального и морального вознаграждения или ответственности. Таким образом, понятие справедливости «становится критерием для оценки качества социального порядка» [22, с. 166]. Об одиозном присвоении материальных либо духовных ценностей (латентно, конечно же, в общественных отношениях они существовали) говорить было не принято, потому что «если кто-то кое-где у нас порой Честно жить не хочет, Значит с ними нам вести незримый бой. Так назначено судьбой...», а потому верховенство социалистического законодательства признавалось высшей справедливостью и не обсуждалось.

Вместе с тем советское общественознание признавало, что тема справедливости в социально-гуманитарном знании развивалась с заметным опозданием. Оставаясь неизбежно абстрактным, этот феномен если активно исследовался в области этики и права, то в меньшей мере он фигурировал в качестве объекта анализа в других науках – социологии, социальной психологии, экономике, политике. Проблеме же справедливости как весьма

значимой форме именно социальных отношений внимания не уделялось вовсе. Социальные отношения признавались справедливыми, а если обнаруживалась несправедливость, то как было сказано, «всегда можно было» обратиться к закону, в котором виделась правовая справедливость как часть целого во всей системе общественных отношений.

Значительные тематические изменения в философско-теоретическом исследовании проблемы понятия справедливости претерпели в постсоветской России. В них в первую очередь определяются основы справедливости в связи с процессами становления социального государства в российском обществе и его отличий от западного варианта в контексте проводимых реформ, одной из которых был переход России от государственного регулирования в экономике к рыночному регулированию, от общественно-государственной собственности к частной и осуществлялся, с точки зрения ряда исследователей, под влиянием мифа о превосходстве частной собственности над общественной [23, с. 77]. Принципы социалистической справедливости предлагалось существенно изменить: в результате воплотившейся идеи раздела этой собственности была проведена приватизация. В качестве средства ее осуществления выступала ваучеризация, которая должна была каждому гражданину позволить получить соответствующую долю общественного блага. Но, как считает большинство авторов, это был процесс не распределения народного богатства, а «государственно организованной ограниченной стихийности растаскивания и частного присвоения общественной собственности лишь определенной группой людей» [24, с. 165]. Советские представления о справедливости уступали место взглядам, оправдывающим неравенство и допускающим его в качестве одного из источников развития новых общественных отношений. На дискуссионном поле оказались две идеи справедливости: как реализации индивидуальных жизненных целей и установок и справедливости как общего блага, равенства всех граждан при доступе к материальным или духовным ценностям.

Продуктивный дискурс в социально-гуманитарном познании справедливости развивают в своих работах А. Ю. Ашкеров, М. И. Козлов, В. А. Катомина, А. В. Прокофьев, Г. Ю. Канарш и др. В десятые годы XXI столетия понятие справедливости акцентируется с новой силой в значении формирующегося феномена – «новое отношение». Справедливость исследуется как комплекс проблем, связанных с происходящими в стране экономическими, политическими и правовыми трансформациями, взволновавшими различные слои населения в различных социальных отношениях. Но все существующие теоретические проекты ориентированы в большей степени на поиск и реализацию мер, которые смягчали бы негативные последствия либеральных реформ, ставших с конца прошлого века тяжелым бременем для широких масс страны. В такой конкретной ситуации понятие справедливости обретает новое понимание и в практическом значении. Разрыв между доходами самых богатых и самых бедных россиян продолжает увеличиваться и официально признается самой главной и тревожной проблемой. Вполне естественно, что эту проблему правящие элиты пытаются сгладить. И сгладить, прежде всего, через внедрение в общественное сознание понимание справедливости как принципа юридическо-правовой ответственности, ответственности как регулятора сложившегося правопорядка, на котором должно строиться общественное согласие с этими же элитами. Это нетрудно обнаружить. Достаточно отслеживать информацию в СМИ о привлечении к ответственности не только рядовых субъектов отношений «из народа», но и представителей из различных элитарных групп.

Таким образом, острота и актуальность проблемы понимания справедливости многократно возросла в результате перехода страны к рыночным отношениям, который и генерировал жизненно важную потребность ее глубокого научно-теоретического осмысления и поисков решения в социально-практическом плане. В качестве ответа на этот серьезнейший вызов истории

исследователи социально-гуманитарного знания предлагают различные варианты решений, на которых в рамках одной статьи нет возможности останавливаться. Но даже анализ сказанного позволяет сделать вывод, что в российском общественном сознании представления о справедливости всегда опирались на социально установленные, имплицитно присущие российской культуре множественные правила, обычаи и традиции, но и не только. На протяжении всего его развития понятие справедливости и в обществоведческой российской мысли, и в общественной психологии претерпевало внутренние изменения, что являлось, конечно, реакцией на изменение экономической, политической и правовой организации общественной жизни. Суть этих изменений проявлялась в борьбе с ее антиподом – несправедливостью – и мыслилась как отражение социальной действительности через истину-справедливость, как сокрушение «царства лжи» в социальных отношениях через правду-справедливость, как юридическую ответственность индивидов или социальных групп через позитивное право, как присвоение продуктов материальной или духовной сферы через отношения власти, собственности и права, как радикальное или эволюционное преобразование социального порядка (естественное право) через революционную или реформаторскую деятельность с правом на лучшую жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гроздилов С. В. Понятие справедливости в общественной психологии русского народа как отражение его бытия // Науч. вестн. Омской академии МВД России. 2018. № 3. С. 88–92.
2. Черных С. Н. Справедливость и правда в аспекте древнерусского мировоззрения // Вестн. Воронежского гос. техн. ун-та. 2010. № 10. С. 43–46.
3. Гроздилов С. В. Становление понятия справедливости в российском общественном сознании // Инновационный путь развития АПК: сб. науч. трудов по материалам XI Междунар. науч.-практ. конф. проф.-препод. состава. Ярославль: Изд-во ФГБОУ ВО Ярославская ГСХА, 2017. С. 178–182.
4. Печерская Н. С. Справедливость: между правдой и истиной / под ред. Н. С. Плотникова // «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. М., 2011. С. 15–48.
5. Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.
6. Соловьев В. С. Смысл любви. М.: Современник, 1991.
7. Михайловский Н. К. Предисловие // Полн. собр. соч.: в 10 т. СПб., 1911. Т. 1.
8. Рачков П. А. Правда-справедливость // Вестн. Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 1996. № 1. С. 14–33.
9. Чернышевский Н. Г. Капитал и труд // Соч.: в 2 т. М., 1987. Т. 2.
10. Козлов М. И. Социальная справедливость в контексте русской традиции. Архангельск: КИРА, 2010.
11. Поляков А. В. Естественнo-правовая концепция В. С. Соловьева // Правоведение. 1987. № 4. С. 93–99.
12. Чичерин Б. Н. О началах этики // Филос. науки. 1990. № 1. С. 100–108.
13. Кирсанова О. В. Проблема справедливости в русской этико-философской мысли (В. С. Соловьев и И. А. Ильин): автореф. дис. ... канд. филос. наук / МГУ им. Н. П. Огарева. Саранск, 2012.
14. Синченко Г. Ч. Русское столетие философии права // Вестн. Омского ун-та. 1998. Вып. 1. С. 5–13.
15. Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М., 1960. Т. 33.
16. Вышинский А. Я. За высокое качество нашей работы: речь А. Я. Вышинского на вечернем заседании 30 декабря 1933 г. 3-й сессии ЦИК СССР VI созыва // За социалистическую законность. М., 1934. № 1. С. 5–8.
17. Викторов Б. А. Без грифа «Секретно». Записки военного прокурора М.: Юрид. лит., 1990.
18. Млечин Л. М. МИД. Министры иностранных дел. Внешняя политика России. М.: Центрполиграф, 2011.

19. БЭС. 2-е изд. М., 1957. Т. 40.
 20. БЭС. 3-е изд. М., 1976. Т. 24, кн. 1.
 21. Бербешкина З. А. Справедливость как социально-философская категория. М.: Мысль, 1983.
 22. Епихина Ю. Б. Социальная справедливость в русской общественной мысли М.: Ин-т социол. РАН, 2016.
 23. Иванов В. А. От общегосударственной собственности к частной // Вестн. АПК Верхневолжья. 2008. № 2. С. 77–90.
 24. Иванов В. А., Иванов В. В. О диалектике институтов власти, собственности и права. Ярославль: Изд-во ЯГСХА, 2009.
-

S. V. Grozdilov
Yaroslavl State Agriculture Academy

JUSTICE DISCOURSE IN RUSSIAN PHILOSOPHICAL TRADITION

The concept of justice is one of central social philosophical categories as it allows to unite core foundations and regulatory requirements of social life into one concept. Studying the phenomenon of justice, the author turns to the Russian philosophical thought from the middle of the 19th century to the present day. It considers this concept in the context of the most urgent and controversial issues of Russian society in the given period of time. The analysis of the connection between justice as a phenomenon in the social interactions system and the development of the society as a whole is of particular interest. It is established that the understanding of justice in the Russian public conscience is not unconditional and absolute. It is always focused on specific events or phenomena in people's lives and depends on the nature of both individual and group or class interests, as well as on the extent of appropriation of wealth and spiritual values by the subjects of relations.

Justice, discourse, morality, law, truth, public conscience, appropriation, reform, social relations

УДК 001.8+140.8

Л. А. Пафомова, Р. В. Федоров

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ПОНЯТИЕ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В РАБОТАХ В. И. ВЕРНАДСКОГО

Рассматривается формирование понятия научного мировоззрения, его специфика. Анализируются принципы и пути развития науки, предложенные В. И. Вернадским. Показано, что его подход к этому процессу может быть источником методологической рефлексии в современной философии науки. Особое внимание уделяется методологии взглядов В. И. Вернадского, в частности, тому, что наука и философия должны не противоречить друг другу, а напротив, дополнять друг друга. Подчеркивается особый статус научного знания, при котором, с одной стороны, существует реальная необходимость охватить все многообразие научных концепций, фактов и т. д., а с другой – нет такого специалиста, который, оставаясь ученым, был бы способен знать все это многообразие как специалист.

Наука, методология, научная революция, научное мировоззрение, В. И. Вернадский, философия науки

В. И. Вернадский стал основоположником принципиально нового подхода в целом комплексе наук, изучающих различные аспекты процессов планетарного характера. Именно его работы заложили основы современного подхода к изучению планетарных процес-